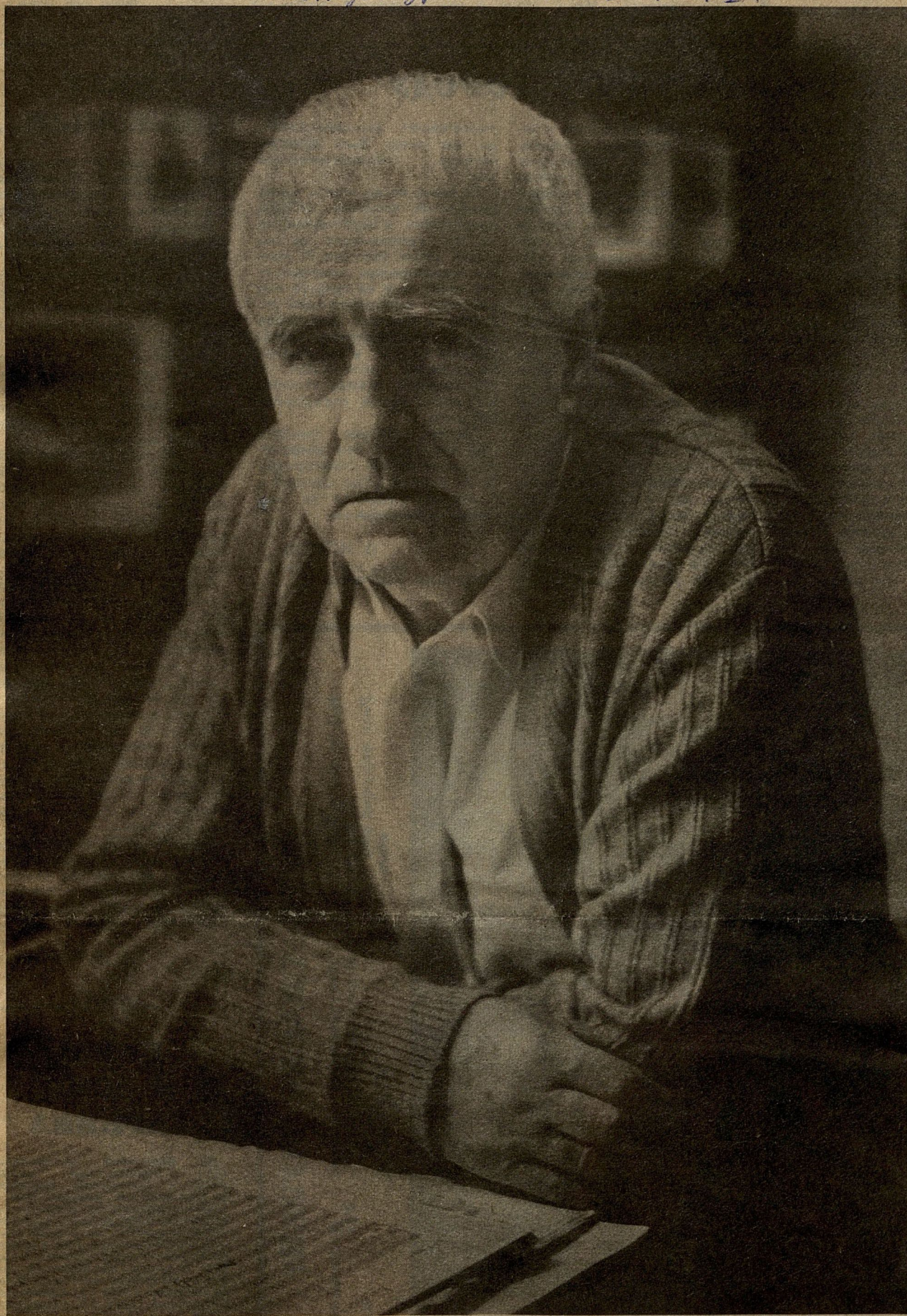

СЛОВО О МАСТЕРЕ

Сов. кинореж. - 1990. - 15 сек. - с. 1.

ВЫСТОЯТЬ!

Я не раз бывал в тайге во время гроз и ураганных ветров, когда вся тайга, каждое деревце клонится долу. Кажется, вот-вот рухнет разом стоющая, скрипящая, ничем и никем не защищенная лесная рать, ломая и рвя себя в щепу и клочья. Но какой-то миг роздыха, какая-то малая доля времени, неуловимая глазом и слухом, наступает в этой страшной стихии — и деревья, пойманные древним чутьем милости, во дарованное природой облегчение, выпрямляются, чтобы снова и снова клониться под ветрами, почти доставая кроною землю, готовые упасть, сдаться...

Но снова и снова поднимается и выпрямляется лес — стоит тайга, не сдается, держится корнями за землю, и лишь после бури, после утишения ветра видно делается по всей тайге ломь ветвей, сорванную кору, уроненные шишки и в глубь, ломаной костью белеющие, поверженные деревья — самые слабые, нестойкие сломались, пали...

Смотрю по телевизору фильм о падшей женщине с почти сломанной судьбой и искалеченной жизнью. Слышится музыка, как всегда, красивая, мелодичная, с одним и тем же преобладающим мотивом. Высоко начавшимся будто бы колокольным, протяжным звоном, неотвратимым гибельным гулом накатывающимся на землю, опадающим на нее. Но на самом исходе звука, на последнем его пределе мощно подхваченная оркестром, силой земной поддержанная взмывает ввысь, к небу воскресающая сила. Крепнет мощь человеческая и земная, распрямляет крылья живая жизнь и негасимая лампада добра светит, все еще светит впереди путеводной звездой братства и единения людей.

Почему-то решаю, что это музыка Георгия Васильевича Свиридова. Не такой уж большой я знаток творчества этого замечательного нашего современника-музыканта и вообще никакой не меломан, но есть звуки и нити, соединяющие русского человека на русской Земле, и они звучат в каждом из нас от рождения, да вот выразить их, донести до моря людского, вечно волнующегося и клочущего под ветрами и бурями бытия, не каждому дано.

Музыка, быть может, самое дивное создание человека, его вечная загадка и улада. Никто так близко, как музыкант, не соприкоснулся с подсознанием человеческого той самой неотгаданной материей и веч-

ной тайной, что живет в нас, тревожит и волнует нас.

Люди плачут, слушая музыку, плачут от соприкосновения с чем-то прекрасным, казалось бы, умолкнувшим, навсегда утраченным, плачут, жалея себя и то чистое, дивное создание в себе, что было задумано природой, но в борьбе за существование человеком же и погублено.

Музыка возвращает человека все лучшее, что есть в нем и пребудет на земле. Я думаю, что музыке человек услышал раньше, чем научился говорить, и заветное: «Вначале было слово» — весьма и весьма сомнительно. Нет, вначале был шум ветра, плеск волн, пенье птиц, шелест травы и звон опадающей листвы. И только переняв у природы звук, человек сложил из него слово.

Музыка и природа — это самое верное, святое и неизменное, что осталось с человеком и не дает ему окончательно одичать и опасть обратно на четвереньки. Я имею в виду настоящую музыку, а не то бесовство, не ту оглушающую вахханалию, которая закружила человека в безумной, дикой пляске, ввергла его в какое-то инстинктивное подражание воющему и ревушему зверю, из которого и образовался когда-то человек. Напоминать, откуда и из чего мы взялись, несомненно надо, но не так же уж навязчиво и бесстыдно.

Впрочем, Георгий Васильевич Свиридов, так увлекательно умеющий говорить о музыке и ее природе, утверждает, что именно эти современные бесчисленные громокипящие артели, но скорее банды, называемые ансамблями, помогают сохранить изначальную природу музыки, не дают человечеству потерять ключ ее, ибо утеря этого самого «ключа» — есть полное и окончательное разрушение мировой гармонии, без которой оно, человечество, как корабль без руля, быстро пойдет ко дну, тем более что стремление к разрушению гармонии жило в человеке всегда и особенно агрессивные и катастрофические размеры приняло оно на исходе нашего века.

Я очень люблю слушать Георгия Васильевича и всегда сожалею, что внимаем мы ему в узком кругу «доверенных лиц», допущенных в дом композитора. Ему бы в аудиторию, на телевидение, анимать бы ему миллионы. Да где там!.. Вели прекрасную передачу наши славные певцы и умные люди, Образцова и Нестеренко, но их незаметно оттерли локтями с телевизора говору-

ны-политики и другие ребята-молодцы, по их мнению, владеющие словом, мыслью и в особенности юмором. И так ли нам нынче всем от этого юмора смешно, что уж плакать хочется.

У нас всегда была и до сих пор имеется масса людей, которая угадывает за художника истоки его творчества, и замысел объясняет, и в тайны души его проникнут. Я этого не сумею и не хочу делать хотя бы потому, что сам в какой-то мере — человек творческий, и самому себе не только объяснить не могу, например, природу творческого замысла, но и понять до сих пор не могу, что это такое. Более того, я, может, и примитивно, но основываясь на сорокалетнем опыте работы в литературе, пришел к выводу, что и отгадывать сию тайну не надо, потому как отгадавши ее, что станет делать человек? Кончится же его воображение и он кончится, как существо творческое, сделается механической, заводной штучкой, заранее знающей все и вся.

Однако, будучи прошлой золотой осенью на Куршине, изрядно уже осклопленной и оглушенной цивилизацией да бесконечными сельхозношениями, глядя на еще недобитую землю, на древние пологие холмы, на это российское порубежье, в котором еще не все небо закопчено и по балкам да по склонам плавных пашенных холмов, несмело обороняясь от машин и от топора, зеленеют и золотятся российские дубравы, я открывал для себя — отсюда, с этой родной земли унес в сердце и сохранил Великий композитор современности тот нежный и непреклонный звук, ту просторанственную, высокую мелодию, что стонет, плачет, сжимает сердце русское неизъяснимою тоскою, очистительной печалью. Мощным хором возносится композитор в поднебесье, набатным колоколом зовет Россию и русский народ: **Выстоять! Выпрямиться**, как тот лес, та могучая тайга под ураганами и бурями! Выпрямиться и выстоять во имя будущего наших детей и во имя сохранения того прекрасного, что накопили на земле ее редкие мудрые страдальцы, гении человечества, эти вечные отважные странники, так на одиноком челне и продолжающие до сих пор бесстрашно плыть по бурному морю жизни.

Виктор АСТАФЬЕВ.

Фото Алексея Белянчева.